

чание сельскохозяйственных работ развязало руки крестьянам и сезонным рабочим, которых всегда было много на юге и которые теперь пополнили ряды восставших. К ноябрю масштаб выступления стал совершенно ясен и Лиссабону и Мадриду.

В Мадриде все больше склонялись к мысли о необходимости решительных действий и подавления движения. Но в это время там оказался инквизитор святого престола португалец Жоан де Вашконселуш. По поручению короля он был отправлен в Эвору с королевскими грамотами к восставшим. Прибыв в Эвору, он настаивал, чтобы грамоты были зачитаны как можно большему числу горожан, и предложил созвать и членов городского совета, и ремесленников, и всех, кто пожелает. Собрание началось в 8 часов утра 14 ноября 1637 г. Жоан де Вашконселуш предложил, чтобы город уплатил налог, но в меньшем размере. Присутствовавшие тут же члены жунты взяли на себя немалую долю налога (8 тыс. из 20 тыс. крузаду), стремясь таким образом и ликвидировать конфликт с короной, и завоевать политическое доверие горожан.

Казалось бы, реальная почва для продолжения восстания вот-вот исчезнет и недалек тот миг, когда мятежный город возвратится в число верных королю земель. Однако в Мадриде не приняли соглашения, достигнутого Жоаном де Вашконселушем. Оливарес постарался внушить королю, что «недостойно его величества идти на соглашения со своими вассалами»¹⁵. Эвора крайне беспокоила проникательного Оливареса, который справедливо считал, что истинной причиной вспышки являются не столько голод и налоги, сколько жажда свободы. В середине ноября он отдал приказ держать наготове войска — армию, стоявшую в Кантабрии, и войско Медины Сидонии из Андалусии. Первых лиц Португалии Оливарес призвал ко двору, требуя успокоить страну.

Пока войска готовились к выступлению, среди португальцев, находившихся при мадридском дворе, продолжались постоянные споры по поводу Эворы. Близкий к этим кругам Мелу рассказывает, что одни просили испанского короля простить мятежный город, другие — наказать его, но каждый действовал, исходя из своей выгоды¹⁶. Предприняли попытку использовать и герцога Браганского, уговорив его выступить посредником, но он отклонил эту «милость». Один из уговаривавших герцога, граф де Линьярес, прямо из герцогской резиденции отправился в Эвору, будучи наделен Мадридом широчайшими полномо-